



УДК 947.6

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

Александр Рыпинский: долгий путь к родным истокам (к 185-летию со дня рождения)

1840 г. В далекой от белорусских земель Франции в польской типографии Я. Марыльского выходит из печати книга уроженца Витебщины Александра Рыпинского «Беларусь. Несколько слов о поэзии простого люда той нашей польской провинции, о его музыке, песнях, танцах и т.п.»^{*}. Для истории европейской художественной культуры явление совершенно рядовое (в 30–50-е годы XIX в. в передовых странах Европы художественная культура и такие ее составляющие, как изобразительное искусство, музыка, литература, театр развиваются стремительными темпами); для нашей же истории – это знаменательная веха, факт поистине знаковый.

Знаковость эта, на наш взгляд, состоит в следующем:

во-первых, для французской читающей публики книга стала свидетельством того, что среди восточноевропейских славянских народов есть белорусы, не просто обладающие самобытным и древним духовно-художественным наследием, но и хранящие и постоянно развивающие его;

во-вторых, книга написана белорусом, хорошо изучившим устное поэтическое и песенное творчество народа (в одной из тетрадей воспоминаний А. Рыпинского, датированной 1 августа 1832 г., сохранилась запись «Александр Рыпинский, белорус» (Avignon, dnia 1-go Sierpnia 1832 г. Aleksander Rypiński, Białorusin) – неожиданный и беспрецедентный поступок, подчеркивающий национальную принадлежность автора к белорусской нации уже в 30-е годы XIX ст. (лишь через 25 лет появится «Дударь белорусский» В. Дунина-Марцинкевича и более чем через столетие – «Дудка белорусская» Фр. Богушевича);

в-третьих, этнографическая книга А. Рыпинского стала своеобразным противовесом великодержавному повелению царя Николая I, посчитавшего, что указывать «губернии Белорусские и Литовские под сими наименованиями» нецелесообразно и повелевшего впредь руководствоваться «поименованием губерний, каждой отдельно Витебскую, Могилевскую, Виленскую и Гродненскую». Т.е. европейцы могли прочитать в то время о Белоруссии больше, чем даже народ, живший на исконных белорусских землях.

Еще об одном обстоятельстве, которое, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Исследователи достаточно часто акцентируют внимание на следующих словах из названия книги «...ludu tej naszej polskiej prowincji», упрекая А. Рыпинского в националистически-шляхетских взглядах на Белоруссию как

^{*}Rypiński Aleksander. Białoruś. Kilka słow o poezji tego prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewach, tańcach etc.; Czytano na posiedzeniu towarzystwa literackiego polskiego w Paryżu r. 1839, m-ca listopada 21 dnia. – Paryż, 1840.

на польскую провинцию, отказе ей в самостоятельном развитии национальной духовности и культуры. И для таких толкований, казалось бы, есть основания.

Действительно, Александр-Радован Феликсович Рыпинский родился около 1811 г. под Витебском в древней шляхетской семье, воспитывался на шляхетских традициях, болезненно воспринимая переживания родителей, связанные с крушением польской державы в последней четверти XVIII в., даже участвовал в ноябрьском восстании 1830–1831 г., объявившем своей главной целью возрождение Польши. Наконец, после разгрома восстания в составе армии польского генерала Гелгуда перешел прусскую границу и оказался в эмиграции. Однако все это – вехи из начального, овеянного юношеской романтикой (назовем его так), этапа жизни А. Рыпинского.

Но ведь есть и другая хронология поступков, событий и фактов. На наш взгляд, она не менее интересна:

а) Уже в юношеском возрасте, в годы учебы в Витебской гимназии, он занялся собиранием местного **белорусского** фольклора и к концу 30-х годов XIX ст. обладал большим количеством рукописных записей (были утеряны в одной из боевых операций в апреле 1831 г., о чем Рыпинский очень сожалел, особенно во время работы над книгой «Беларусь...»); в 1827 г. в свои 16 лет он переводит на польский язык «Русалку» великого **россиянина** А.С. Пушкина, а под поэтическими строками ставит пометку: «Из российского, Александра Пушкина. Над Озером в Дубровах. Куковячин. 1827. Двина».

б) Во время учебы в Динабургской школе подхорунжих (прапорщиков) А. Рыпинский близко сошелся с русским поэтом-декабристом Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797–1846), рассказы которого о декабристах, его путешествии в Европу, публичных там выступлениях оказали на А. Рыпинского неизгладимое влияние, а воспоминания самого Александра Рыпинского проникнуты благоговейной любовью к герою-декабристу, восхищением его патриотическим подвигом во имя России. По А. Рыпинскому, этот немец или швед по фамилии, «... был истинным сыном своей новой родины, которую больше жизни любил, так же как сами Рылеев, Бестужев и Пестель». Значит, пришлись по душе юноше образы этих российских героев, если он их будет вспоминать спустя много лет.

Свое отношение к В. Кюхельбекеру А. Рыпинский высказал впоследствии в примечаниях к книге «Беларусь...»: «Как ясный месяц блеснит среди бесчисленного множества тусклых звезд, так и его благородное, бледное, исхудалое лицо с выразительными чертами выделялось сиянием духовной красоты среди огромной толпы преступников, одетых, как и он, в серый «мундир» отверженных. Сильное и закаленное сердце, должно быть, билось в его груди, если уста, этот верный передатчик наших чувств, никогда ни перед кем не произнесли ни слова жалобы на столь суровую долю... Кто знал его ближе, тот любил, ценил, восхищался и благоговел перед ним, а кто с ним провел хоть несколько вечерних часов, не мог не обнаружить в нем редкого ума, кристально-чистой души и глубокой образованности. Еще и сегодня стоит перед моим мысленным взором виденное мною дважды во всем его чарующем сиянии это святое чело, о котором могу сказать только словами Мицкевича» (поэма «Дзяды», III часть. – А.Р., Ю.Р.) .

* Находясь в ссылке на Кавказе, В.К. Кюхельбекер познакомится с еще одним представителем литературной Витебщины – поэтом и переводчиком Т. Ладой-Заблоцким.

В III части поэмы «Дзяды» А. Мицкевич тепло и с любовью нарисовал образ декабристов – А.А. Бестужева (фамилия названа) и второго офицера К.Ф. Рылеева (фамилия не обозначена); в VII сцене А. Мицкевич показал, что с польскими патриотами их связывают узы дружбы и братства.

*И голова его, обрита насильем,
 Что в тысячной толпе над волнами голов
 Так смело высилась, горда и непокорна,
 Как образ правоты, замученной позорно,
 Как в час перед грозой, меж пенистых валов,
 Дельфина голова над шумной глубиной, –
 Все это в памяти хранимо будет мною,
 Чтоб верным компасом на жизненном пути
 Меня к великому свершению вести.
 И Бог меня забудь, когда о том забуду!*

Небезынтересным представляется тот факт, что связным между свободным прапорщиком А. Рыпинским и подследственным декабристом В. Кюхельбекером выступал безграмотный слуга «Кюхли», уроженец Суражского уезда Витебской губернии. Свидетельствуют, что Кюхельбекера весьма забавляли географические познания слуги, часто путавшего «Воршу» (Оршу) с «Аршавой» (Варшавой).

Сохранилось и такое воспоминание А. Рыпинского о встречах с Кюхельбекером в Динабургской крепости: «...Единственным его занятием, единственной отрадой в тюрьме была литература. Я переписывал ему, помню, **по-русски** для печати прекрасную трагедию под заглавием «Шуйские», из времен захвата Москвы Жулкевским; это произведение его почтенная мать должна была анонимно опубликовать в его пользу».

Маленький образец начал белорусской публицистики, в котором нарисован образ декабриста, патриота и героя, обреченного царским величеством на страдания и унижительную жизнь. Как видно, и здесь нет восхищения «польскостью» – только личная оценка человека, помогшего А. Рыпинскому сориентироваться не только в современных ему литературных процессах, но и, как нам думается, укрепившего его в понимании самобытности народного творчества белорусов и необходимости его изучения.

в) Может быть поэтому 21 ноября 1839 г. на заседании в Париже **Польского** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) литературного общества прозвучит доклад А. Рыпинского о **белорусских** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) народных песнях. Дополненный историко-литературными и этнографическими данными, описаниями народных обрядов, изречений, музыкальной культуры (главным образом, Витебского Поозерья), доклад превратится в книгу о Белоруссии (ошибочно, назовем так, названной А. Рыпинским польской провинцией). Известный польский исследователь Ю. Кжижановский считал книгу А. Рыпинского равной аналогичным трудам известных исследователей восточной народной художественной культуры З. Доленго-Ходаковского и М. Федоровского. Один из наших современников – польский автор Ян Лось подчеркнул, что так мог писать человек, который никогда не забывал ни о Белоруссии, ни о ее народе.

Листая «Беларусь...» А. Рыпинского, мы находим на страницах книги многие подтверждения пронизанности его творческого сознания белорусскими мотивами, его стремление понять оригинальность и самобытность устного поэтического и песенного творчества своих земляков. В книге А. Рыпинский указал на отличие белорусского языка от польского, подчеркнув, что «белорусский язык прочен своим главным элементом, имеет все же свое оригинальное народное звучание, чем отличается от всех иных...», ввел в польское написание «у» краткое, расставил ударения в соответствии с белорусским произношением (с. 21). Еще одно замечание А. Рыпинского относится к белорусской песне, исполняемой красиво, с чувством, и все же это происходит потому, что белорусам со своим языком проще и легче, чем с польским (с. 16).

Заметим, что оценки белорусского языка, данные А. Рыпинским в «Беларуси...», близки к оценкам, которые давал ему (языку. – А.Р., Ю.Р.) В.К. Кюхельбекер (с. 22–23).

Для подтверждения наших выводов обратимся к книге А. Рыпинского «Беларусь...», содержание которой составили немногим более сотни (!) источников белорусского устного поэтического и песенного творчества, восстановленные им в Париже по памяти (в меру своих возможностей и способностей он провел дифференциацию произведений по жанрам). Считают, что композиция книги сложилась по совету А. Мицкевича.

Открывает книгу «Беларусь...» эмоциональное авторское предисловие. С одной стороны, оно притягивало к себе позицией автора, отдававшего дань уважения А. Мицкевичу (автору «Литовских баллад» и несравненной «Гражины») и Я.Б. Залесскому (написал «Волынские русалки» и «Украинские думы»), ставших открывателями романтического направления в литературе, благодаря которому образованная молодежь «двинулась наперегонки к национальным сокровищам собственного письменства»; с другой (и это для исследователей творчества А. Рыпинского послужило основанием для обвинений в пропольской позиции. Правда, они почему-то не принимали во внимание тот факт, что сполонизированная на протяжении нескольких столетий белорусская шляхта к 30–40-м годам XIX ст. объективно не могла подняться до понимания, а тем более поиска решений национальных проблем) – отталкивало, в первую очередь тех, кто в процессах демократизации общественной жизни искал пути к национальному возрождению. И не только Белоруссии, но и Польши, и Литвы, и России.

Книга «Беларусь...» состоит из нескольких разделов, наиболее крупным из которых является «Пение» (анализируются песни свадебные, похоронные (или «жалостные»), исторические, танцевальные (исполняемые в танце. – А.Р., Ю.Р.), трудовые, шуточные и т.д.). Давая всем общую характеристику, автор книги замечает, что они «даже самой простотой захватывают мысль» (с. 27), а потому было бы несправедливо забывать «наши живые народные оперы» (богато импровизированной оперой А. Рыпинский считал крестьянскую свадьбу. – А.Р., Ю.Р.). И если бы он, как автор книги, мог привести нотные записи, то читатель сам смог бы убедиться в том, какая в белорусских песнях «величественность и красота». Заслуживает внимания то, что, говоря о песнях белорусских, автор проводит аналогию с песнями других славянских народов. К примеру, танцевальные песни Витебщины напоминают польские краковяки или галицийские коломыйки, похоронные песни – причитания близки к украинским и греческим (?), исторические песни (А. Рыпинский сожалел, что на Подвинье их сохранилось немного. – А.Р., Ю.Р.) берут свое начало на Украине, шуточные песни Поозерья имеют свои аналоги на Украине и в Польше (в ряде мест автор параллельно с белорусскими приводил и польские тексты) и т.п.

Открытием для европейского читателя стали разделы книги (как, впрочем и сама книга! – А.Р., Ю.Р.), посвященные таким народным обрядам, как крестьянская свадьба и обряд волочечничества (исполнение молодежными, женскими или смешанными мини-группами пасхальных песен в вечернее время первого дня Пасхи с переходом от одного хозяйского двора к другому. – А.Р., Ю.Р.). Говоря о свадьбе на Поозерье, А. Рыпинский отмечает следующие ее характерные особенности: постоянную импровизацию, энергичность и разнообразие обрядов, проведение на веселой ноте и без повторения (с. 52). «Нет ни одного движения без пения», – подчеркивает А. Рыпинский.

Вот, к примеру, песня выдаваемой замуж девушки-сироты (авторизованный перевод с белорусского наш. – А.Р., Ю.Р.):

*А куда же, татушка, ты ушел
Что и на мою свадьбу не пришел!..*

Или песня девушки, адресованная своей подруге:

*Да не плачь, Авдотья, не далеко ж идешь,
Только через бор,
Только через бор
Да на свекровин двор!*

О приданом невесты:

*Куковала кукушечка через сад
Пора ж тебе, Марьюша, на пасади!..*

Или заключительная песня свадьбы:

*И не брат, и не брат, и не из татар
Сестру свою продал за талляр (монета ВКЛ XV–
XVI вв. – А.Р., Ю.Р.).
Да русую косаньку за шестак,
А белое личико – пошло так! (с. 58).*

В свадебном ритуале автор выделяет несколько элементов, постоянно повторяющихся в разных регионах Подвинья (заручины, закосины, очепины, венчание и т.п.), описывает одежду жениха и его дружков, их приезд к невесте. При этом каждый из элементов (даже приданое невесты) сопровождается соответствующей песней. Для подтверждения художественного совершенства, выветренности свадебных обрядов их древнего происхождения (как и текстов свадебных песен) А. Рыпинский провел аналогию их с обрядами и песнями других народов (русского, галицийского, польского и т.д.). Примечательным является то, что всегда за А. Рыпинским высокую эстетическую оценку белорусской свадьбе давали известные фольклористы-россияне Н.А. Пыпин, М.К. Азадовский, поляк М. Федоровский и др.

Несколько слов о песнях, именуемых «колядными» и «волочечными». Отмечая поэтику первых, автор книги считает, что в них меньше разнообразия и импровизации, хотя и есть примеры оригинального юмора.

*Кузьма и Демьян – эти два литвина
Принесли горшочек вкусного ботвинья (крестьянская
пицца на Поозерье. – А.Р., Ю.Р.),
Свята Пречистая наблюдает
И литвинам изрекает:
Что Вы так глупы, литвины?
Не ест мой Христос ботвинье!..*

Впервые в белорусской этнографии, описывая обряд «волочобничества», А. Рыпинский обратил внимание читателя на ведущую роль «начинателя», человека, который начинал всю процедуру – выбирал место расположения группы, произносил речевку, начиная ее словами: «Христос воскрес», запевал песню, которую подпевали все остальные волочечники. Специальные слова автор книги отвел и «мехоноше» – члену группы, которому припадало соби-

рать в общую корзину все, что предлагали волочечникам хозяева: крашеные яйца, колбасы, пасхальный пирог и т.п.

*Механошего горькая доля:
Каждый золотой
Да в бумажечку
А сыр молодой
На тарелочку.*

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, описывая обряд «волочечничества», автор делал «привязку» к конкретным регионам Поозерья, что повышало правдивость изображения, заставляя европейского читателя поверить авторскому описанию этого обряда.

Отдельный раздел книги посвящен детскому фольклору. Здесь А. Рыпинский приводит не только тексты песен, но и дает общую характеристику детского фольклора, видя в нем мощнейшее средство формирования у детей патриотических качеств. Именно песни нянь и матерей, считает фольклорист, неподвластны царской цензуре и могут многому научить детей. Однако он неудовлетворен тем, что в няни обычно берут малообразованных, деревенских девушек, которые не могут решать задачу достойного воспитания детей.

А. Рыпинский вспоминает песни для детей, которые поют на Белоруссии: «Служил я у пана полтора лета», припевку при колыхании «А курочка рябашечка», песню о кулике и чайке, песню о сороке, песню «Пипа кашу варила». Относительно песни «Служил я у пана...» автор замечает, что в «ней мы не надеемся найти нечто разумное», но одновременно признает, что песня полезна для детей, так как учит их различать разные голоса, и, по его мнению, «наламывает язык к их произношению», знакомит детей с животным миром.

В другом разделе «Игры и развлечения» А. Рыпинский называет известные ему детские игры «Слепа бабка», «Пытки» и др., но не дает их описания. Фактически А. Рыпинский впервые в белорусской художественной культуре выделил произведения для детей в самостоятельную фольклорную группу, отвел им достойное место среди других видов устного и музыкального народного творчества (во второй половине XIX ст. эта проблематика найдет свое отражение в работах П.В. Шейна, Е.Р. Романова, В.М. Добровольского, И.И. Носовича, М. Федоровского).

В полном названии «Беларусь...» можно прочесть, что автор сознательно выделяет и такие виды художественного творчества, как танцы и музыка. Правда, говоря о танцах, А. Рыпинский больше внимания уделил танцевальным песням, припевкам и шуткам, которыми сопровождается деревенский танец. При этом использовал песни, исполняемые как девушками, так и парнями. Вот несколько строк из книги.

Припевка, исполняемая девушками:

*Как топ, так топ – до самого света! (утра. – А.Р., Ю.Р.)
Как гляню на ноженьки – туфельек-то нету!*

Песня, исполняемая парнями:

*На реченьке, на быстрой – там лихий перевоз.
Тарасечка Марусеньку на ручках перенес.*

* Справедливости ради отметим, что в том же 1840 г. о важности изучения детского фольклора заявит Я. Чечет в предисловии к своему третьему сборнику «Деревенские песни из-над Двины».

Или вот такой шуточный диалог между парнями и девушками (первыми начинают парни):

*А девочки, я весь ваш!
Пойдем в город на кирмаш!
А с кирмаша – прямо к дому,
Да в ячменную солому.*

И девичий ответ:

*Не ты меня растил!
Не ты меня няньчил (воспитывал. – А.Р., Ю.Р.)
Лучше ты бы помнил,
Что со мной не танчил (не танцевал. – А.Р., Ю.Р.).*

При характеристике танцевальной культуры автор книги отдает предпочтение французской. Но это не значит, что и белорусы не могут танцевать красиво и привлекательно. Тем более, если популярный в то время «круговой» танец (что-то вроде польских обэрека, мазурки или краковяка) исполняет молодой белорус: «Танцор, поправив усы, подтянув пояс, и под музыку вместе с избранной пускается в пляс» (у А. Рыпинского «дае «гасла») (с. 166). Фольклорист не скрывает своего восхищения танцами, распространенными на Поозерье и в Подвинье.

Дополнения к описанию белорусской вечеринки находим в разделе «Музыка», посвященном описанию не только непосредственно используемых музыкальных произведений, но и их исполнителей (музыкантов), музыкальных инструментов и даже музыкально-песенного репертуара. Центральное место обоснованно отводится дударю и его дудке, наиболее широко распространенным на Подвинье. Недаром им в белорусском фольклоре посвящено немало произведений. И это вполне понятно: дударь – главное действующее лицо на свадьбе, и на вечеринке. Припевка из вечеринки:

*Скачу, плачу – где дуда?
Ходят ноги – не туда!
А как дудочку услышат,
Сами в танец бросятся!*

В ряду других музыкальных инструментов, бытовавших в тогдашней Белоруссии (в первую очередь, на Подвинье), исследователь называет скрипки и свирели. Свои наблюдения он подкрепляет ссылками на данные этнографии, истории, археологии, подчеркивая тем самым древность музыкальной культуры белорусов и преемственность в ее бытовании.

Шуточная белорусская песня, по мнению А. Рыпинского, наиболее подвижна; она быстрее других откликается на произошедшие события, легко трансформируется и принимает новое содержание, не только веселит людей, но и высмеивает людские пороки. Как, например, в следующем четверостишии:

*Человече Николаю!
Где ж тебя я поховаю (похороню. – А.Р., Ю.Р.)
Поховаю на могиле
Что б по тебе волки выли!!! (с. 130)*

Особое место в «Беларуси...» принадлежит песням, посвященным трудовому белорусскому народу, занятому на работе с утра до вечера. Исследова-

тель откровенно признается в симпатиях к людям «утомленным и придавленным повседневным трудом». Впервые в белорусском фольклоре, обратившись к обозначенной теме, А. Рыпинский пишет, что ему «дороги песни рабочие, которые слышны и днем, и вечером, и ночью» (с. 116) и в которых красной нитью проходит уважение к человеку труда, создателю всех материальных ценностей. В песнях этого типа есть место и для крестьянок, работающих на помещицкой усадьбе «от рассвета до заката» («Уже солнце идет на закат, роса появляется, а бедные крестьяне все трудятся»), и для женщин, работающих в поле (сельская рабочая тематика выделена А. Рыпинским в отдельную тематическую группу под названием «Обжинки»). Описывая обряд дожинок и его исполнение, он создал собирательный портрет белорусских жниц: «Красивые девушки зачаруют каждого... В наших усадьбах живут девушки, достойные кисти больших мастеров Рима, нет более привлекательных, чем наши богини дожинок». Исследователи творчества А. Рыпинского (например, Г. Киселев и др.) считают, что именно в песнях социальной направленности, в которых сливаются воедино труд и любовь к родной земле, наиболее ярко проявляется преданность автора «Беларуси...» своей Родине.

Отдельно в книге «Беларусь...» значится достаточно обширный раздел под названием «Поговорки». Фактически в период развития новой белорусской литературы А. Рыпинский оказался первопроходцем и новатором, предложившим читателю белорусскую народную мудрость в оригинальном звучании. Правильнее будет сказать, что через 222 года он взялся за тему, которую в XVII ст. разрабатывал уроженец Витебщины Соломон Рысинский. Исследователь убежден в том, что белорусский народ «их (поговорок. – А.Р., Ю.Р.) имеет неисчислимое множество» (с. 210). Наш земляк депит их на поэтические и прозаические: «Купіў бы сяло, да грошы – гало!»; «Абое рабое!»; «Свой свайго пазнаў і на піва пазваў». К тому же, в книге поговорки приведены в определенной системе, свидетельствующей о их жизненном разнообразии: «Адзін чорт, ла ўмазаўся»; «Ад прыбылі галава не баліць» и др.

Всесторонний анализ «Беларуси...» позволяет сегодня говорить не только о патриотической настроенности автора (пусть и с налетом польско-шляхетского «гонора»), но и видеть его политическую ориентацию. Он прямо пишет о том, что царское самовластие и цензура сдерживают культурное развитие целых народов (и белорусского, и польского). Однако в тогдашней России не только говорить и писать, но и «думать опасно, ибо царь вышлет в Иркутск или Нерчинск охотиться за мехами на царские шубы» (с. 153). В другом месте книги он заявляет о личном отношении к Николаю I: «...царю никогда не кланялся, когда мы смотрели глаза в глаза, тем более сейчас бить челом ему не буду». Ударение при этом сделано на то, что царь – враг всех народов: «Даже сами русские его терпеть не могут». И в доказательство в своей книге, ссылаясь на А.С. Пушкина, записывает следующие строки:

*Лишь только на престол – тотчас накуролесил.
Сто двадцать в кандалы – и пятерых повесил.* (с. 149)

Более полутора столетий прошло после появления в свет парижского издания «Беларуси...» А. Рыпинского, первой в Западной Европе книги, повествующей о народной культуре белорусского Подвинья (считай, Витебщины). Как нам кажется, и до сих пор ее роль и значение окончательно не определены (возможно, главная причина кроется в противоречивом звучании некоторых публикаций А. Рыпинского). Т.е. остается место и для новых исследований (в т.ч. и книгоиздательской деятельности А. Рыпинского). Мы же хотели

* Даются в белорусской народной транскрипции.

бы присоединиться к тем белорусским ученым, которые считают, что книга «Беларусь...» является ценным достоянием национальной художественной культуры. Это не только значимый вклад в историю белорусской фольклористики, это своеобразный памятник зарождающейся белорусской литературы, научной и общественной мысли. И было бы правильным в год 185-летия со дня рождения А. Рыпинского принять решение о переиздании «Беларуси...», как в аутентичном виде, так и в переводе ее на белорусский язык.

Подождоживая рассуждения о книге А. Рыпинского «Беларусь...», хотели бы предложить дополнение в известную формулу С. Полуяна, считавшего витебского эмигранта, литератора территориально белорусом, а политически поляком. На наш взгляд, жизнедеятельность А. Рыпинского показывает, как происходит трансформация неустоявшихся (первоначальных) политических взглядов и вырабатывается новая гражданская позиция, а сам он из «умирающего» поляка превращается в «рождающегося» белоруса.

Следуя хронологии, назовем Лондон и год 1853-й – место и время написания А. Рыпинским романтической баллады на белорусском языке «Нечистик» (в Англии выдержала два издания). Сделаем отступление и отметим следующее: зарубежные исследователи жизни А. Рыпинского называют различные мотивы его переезда в Лондон, в том числе и такой, как стремление изучить английский язык, чтобы самому переводить на польский язык Дж. Байрона (правда, в Лондоне А. Рыпинский переводил на английский язык собственную поэзию, сборники которой неоднократно издавались в Лондоне). На наш взгляд, более правы те авторы, которые считают, что основная причина переезда А. Рыпинского в 1846 г. из Парижа в Лондон состоит в усложнении психологического климата и изменении ситуации в кругах польской эмиграции (сплетни, выяснение отношений и поиск виновных, интриги и т.п.). К тому же, типография, с которой связывал свои надежды А. Рыпинский, была закрыта в 1847 г. и больше не возобновляла свою работу. Пребывание в Лондоне и стало «путевкой» в звездный мир А. Рыпинского. Здесь он первым из белорусов (1846 г.) освоил фотодело и, пожалуй, первым в мировом книгоиздании начал использовать фотографии в оформлении книжных изданий (к примеру, в авторском сборнике «Поэзия» (Лондон, 1853) было помещено девять фотоиллюстраций); здесь же вместе с белорусом Игнатием Яцковским основал первую в Западной Европе свободную типографию, здесь же развился и достиг своего апогея творческий потенциал поэта (в 1851 г. выходит из печати «Пророк», 1853 г. – «Поэзия», 1854 г. – «Сержант-философ», 1857 г. – «Несколько песен обстоятельных» и «Два открытия. Историческая поэма»); здесь были изданы не менее двух десятков книг (только в Парижской польской библиотеке хранится 20 книг А. Рыпинского, изданных в Лондоне в 50-е годы XIX в.). Именно в Лондонской типографии были изданы воспоминания компаньона А. Рыпинского И. Яцковского «Повесть из моего времени», сохранившие для современников первый прижизненный отзыв о творчестве автора единственного стихотворения Павлюка Багрима...

Однако вернемся к балладе «Нечистик». Пожалуй, самая емкая ее оценка дана первым белорусским литературным критиком Сергеем Полуяном еще в 1916 г.: «Как для Рыпинского, то она показывает шаг вперед, ибо прежде всего польским языком написано одно лишь предисловие, а текст всей баллады белорусский, второе – язык белорусский в ней достаточно чистый и красивый. Думается, что по этим причинам она имела большой спрос, ибо содержание ее очень примитивное и наивное». Действительно, наивное, так как создано оно на чисто фольклорном материале – народном сюжете о «вруне Никите», спутавшемся с чертом. Вот несколько слов из вступительной части баллады

* И в «Поэзии», и в «Сержанте-философе» звучит тема Витебщины, ее предания и легенды.

(авторизованный перевод с белорусского наш. – А.Р., Ю.Р.):

*Уже лет тому сто будет –
Пожилые помнят люди,
Скажет вам и Опанас
Жил да был Никита у нас.
На самом краю села –
Хата там его была.*

А чтобы сюжет был более занимательным, автор ввел в балладу жену Никиты. Черт тот сжигает дом, затем ворует убитого кабана, а Никитиху доводит до смерти только за то, что она не придерживалась поста и кушала колбасу. Написана баллада в христианско-морализаторском духе, как и другие поэтические произведения А. Рыпинского. Ее мораль наиболее выразительно звучит в заключительных строках:

*Сейчас ничто уж им не в грех
И Бог, и церковь пошли в смех!*

А. Рыпинский, видя популярность баллады у английского читателя, пробовал издать безобидное фольклорно-бытовое произведение и в Петербурге. 3 ноября 1853 г. он обратился в Санкт-Петербургский цензурный комитет с просьбой «перепечатать белорусскую балладу в любой типографии Российской империи». Приведем выдержку из ответа цензора (и известного русского слависта!) И.И. Срезневского: «Книжка не может быть одобрена к печати русской цензурой, во-первых, потому, что автор этой баллады Александр Рыпинский известен как писатель, преданный бунтарским идеям, и высказывал их, между прочим, в отношении к Белоруссии в книжке «Беларусь...» (не простили А. Рыпинскому власти включения Белоруссии в состав Польши – реплика наша. – А.Р., Ю.Р.); во-вторых, потому что его баллада «Нечистик» предлагается к печати латинскими буквами, в то время как она написана по-русски на местной говорке православных жителей белорусского края, хотя и без вредной и преднамеренной цели, но все-таки не без возможности распространения в народе грамотности латинской».

Еще один пример, свидетельствующий о последовательном сближении А. Рыпинского с позициями белорусского демократического движения за возрождение национальной культуры (думается, могло это произойти под воздействием встреч и бесед с известным поэтом, впоследствии участником освободительного движения 1863–1864 гг. Артемом Вериги-Доревского). Подтверждение тому стихотворение А. Рыпинского «Для Артемиуша Вериги. В именник» (так по-польски называется альбом для стихов. – А.Р., Ю.Р.), написанного им в имении Куковячино (под Витебском) в 1860 г. в популярный «Альбом» А. Вериги-Доревского:

*Ты ж сам, суседзька, захацеў,
Штоб я і табе запеў;
Ну, я табе і пяю –
Прымі песеньку маю!
Можа, гэта не песнь? Каша!?
Ды ўсё ж такі свая – наша!!! (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).*

О том, что А. Рыпинский, возвратившись на родину, занимался фольклорными записями, изучал народные традиции и обряды, свидетельствует еще

одна его записка к А. Вериге-Доревскому (она значится в «Альбоме» под № 53⁶ и в ней сохранены особенности авторского письма. – А.Р., Ю.Р.): «Иду, брат, па-твайму на мужыцкую свадзьбу аж у Бытрымова (деревня в Витебском районе, в двух километрах от Куковячино), так грошы табе сам после прывязу (А. Вериге-Доревский жил недалеко от Строганов. – А.Р., Ю.Р.), а цяпер маю часу. Гутаркі адсылаю. Але после мне дасі».

Живя под Витебском, А. Рыпинский вел активную переписку с известным писателем и публицистом Адамом Плугом, оказывал моральную и материальную поддержку молодым писателям Белоруссии и Литвы, собирал сведения о белорусских и белорусско-польских писателях, о которых предыдущие историки литературы практически ничего не знали и не писали. Кстати, именно в письме к А. Плогу, датированном 1883 годом, мы находим изложение мировоззренческой позиции А.Ф. Рыпинского в вопросах культурного развития. Проанализировав глубоко «Историю польской литературы...» Ю. Барташевича (1861) и «Историю польской литературы...» К. Мехежинского (Краков, 1873), А. Рыпинский окончательно убедился в том, что польским историкам и литераторам нет дела до культуры белорусов – «в каждой из них очень мало о нас» (белорусах. – А.Р., Ю.Р.). И он об этом откровенно пишет редактору «Kłosów» Адаму Плогу: «Возможно, напрасно мы тянемся к этой несчастной Польше, как рожденные на Руси, которую и раньше, кажется, уже называли польской Сибирью».

Наконец, последнее. Речь пойдет о двух рукописных сборниках (в трех томах)^{*}, найденных белорусским литературоведом М.Н. Пиотуховичем и содержащим не просто фольклорные и литературно-художественные произведения витебских авторов, но и, что самое главное – личные предисловия и комментарии к ним А. Рыпинского. Характерным здесь выступает, **во-первых**, его заинтересованное отношение к этнографии и фольклору белорусских (и украинских, граничащих с Беларусью) территорий; **во-вторых**, личностное понимание и оценка событий польского восстания 1831 г.; **в-третьих**, пассажи А. Рыпинского в область взаимодействия белорусского и украинского (но, отнюдь, не польского. – А.Р., Ю.Р.) языков; наконец, **в-четвертых**, анализ и попытка найти обобщающие свидетельства в поддержку своих наблюдений о состоянии современной ему белорусской литературы.

Несмотря на некоторую неупорядоченность сборников М.Н. Пиотуховича, они свидетельствуют об окончательной трансформации взглядов, понимании А. Рыпинским необходимости активных действий по строительству собственно белорусской художественной культуры. И письмо к А. Плогу является лучшим тому подтверждением.

На наш взгляд, приведенные факты и события из жизни А. Рыпинского позволяют высказывать мнение: жизнедеятельность уроженца Витебщины, действительного члена Французской Академии промышленности, сельского хозяйства, ремесел и торговли, английского профессора математики, рисования и языкознания, участника восстания 1830–1831 гг. – это путь поиска истины, размышлений и сомнений, уход от одних этносоциальных реалий и приближение к другим. Преодолевая идеалистические (пропольские) мечтания и фантастические планы польской эмиграции, он искал пути бескорыстного служения Родине и своему народу, понимая их самобытность, своеобразие исторического развития, стремился найти свое место в возрождении национального самосознания. Свидетельство тому – книга «Беларусь...», лондон-

^{*} В конце 20-х годов XX ст. они стали собственностью известного белорусского советского критика и литературоведа М.Н. Пиотуховича (заметим, кстати, что это один из деятелей художественной культуры Белоруссии, родившихся на Витебщине в конце XIX ст.).

ский период эмиграции (с первыми произведениями на белорусском языке), активная творческая, литературная и этнографическая деятельность после возвращения на Родину.

Сам А. Рыпинский не рассуждал подобным образом. Итог своей жизни он подводил весьма скромно: «Я старый, это правда, но, ей Богу, самый терпеливый из всех людей в целом мире, ни на кого долго сердиться не могу и обид не помню, хотя имел их не мало в своей жизни, которая, благодаря Богу, не была бездеятельной как на исторической, так и на литературной ниве, а те, которые постоянно в движении и действии, имеют всегда много противников и завистников в банде лентяев...»

Исследования последних лет (А. Мальдис, Г. Кохановский и др.) позволяют нам сегодня представить на суд еще одно профессиональное увлечение А. Рыпинского – занятия изобразительным искусством. Есть данные о том, что в Тотенхемском музее Лондона в замке Брюс хранятся две гравюры А. Рыпинского. На одной из них, по словам А. Мальдиса, с разных сторон видно здание школы «Игл-хауз», а на другой «украшенное портретом королевы Виктории свидетельство, выданное А. Рыпинским одной из учениц школы». А. Мальдис утверждает, что «гравюры свидетельствуют о больших художественных способностях автора».

Последние годы жизни А. Рыпинский провел в Строганах (ныне деревня в Лиозненском районе Витебской области) – небольшом имении, принадлежавшем его родственнице Ксаверии Александровне Рыпинской. Несмотря на преклонный возраст, продолжал собирать краеведческие материалы, вел переписку с А. Плугом, В. Спасовичем, В. Каратынским, А. Ельским, готовил к печати заметки по истории Витебщины.

Современники Рыпинского свидетельствуют, что за годы своей литературно-творческой деятельности он собрал великолепный личный архив, богатый фактическими материалами по истории белорусской художественной культуры XVIII–XIX вв. (в нем были собственные произведения, краеведческие заметки, фольклорные и этнографические записи, эскизы по топонимике, оригинальные произведения современников (к примеру, один из вариантов «Тараса на Парнасе»), библиографические сборы и т.п.). Считают, что архив Рыпинского имел значительную историко-литературную ценность (к сожалению, он не сохранился).

Прожив почти 90 лет, Александр Рыпинский умер в 1900 г. всеми забытый, как свидетельствуют исследователи.

А.Ф. Рыпинский в историю художественной культуры Витебщины (и Белоруссии) вошел как один из первых основателей научной фольклористики. Он также известен как поэт, переводчик, этнограф, публицист, мемуарист, книгоиздатель, художник и славист. Как и его собственная деятельная натура, наша память о нем должна быть активной и действенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исследования по истории польского общественного движения XIX в.* – М., 1871.
2. *Кісялёў, Г.В.* Пачынальнікі: з гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. – Мн., 2003.
3. *Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыклапедычны даведнік.* – Мн., 1995.

S U M M A R Y

The article is devoted to Alexander Rypinskiy, one of the first founders of scientific folklore-studying in Belarus, whose work deserves much more attention of scientists than it had before.

Поступила в редакцию 15.06.2006